

Рудольф Хачатрян. Рисунок

Лия Адашевская · большая аналитическая статья к каталогу · 2004

Рудольф Хачатрян. Рисунок.

За каждым художником, как и за актером, писателем, как правило, закрепляется определенное амплуа - живописец, график, скульптор (сюда могут быть включены и более конкретизирующие градации - по жанрам: портретист, жанрист; по назначению: станковист, монументалист). Такая дифференциация при написании истории искусств помогает лучше ориентироваться и оценивать, исходя из свойств пластического языка каждого из видов искусства. При этом, разумеется, не исключается, что живописец берет в руки карандаш, а график иногда балуется красками и т.д. Но бывают художники, творчество которых идентифицировать с каким-то одним видом искусства не представляется возможным. Речь идет не о мастерах, так называемого, возрожденческого типа, то есть абсолютно равноценно занимающихся всеми видами изобразительного искусства и даже порой в сферу своих интересов включающих смежные его виды, а о тех, которые творят «на стыке», как бы все время, пребывая в пограничном состоянии, включая в пластику своего изобразительного языка характеристики и свойства различных видов искусства. О таких иначе как емко, многозначно и исчерпывающе - Художник, в общем-то, и не скажешь. Именно таким Художником и является сегодня Рудольф Хачатрян. А создаваемые им многомерные объекты, по сути, оказываются метафорой всего его творчества. Так, когда я смотрю на его последние работы, то никогда не могу с точностью для себя определить: что это - рисунок, живопись, фигуративная скульптура, рукотворный объект, да и просто исходя из образного наполнения - портрет, жанр, мифология, философия, фантастика? Здесь настолько отсутствует «смертный грех» отечественного искусства - литературность, что можно «прочитать» любое содержание, выстроить любую концепцию. И в этом парадоксальность Творчества Хачатряна. Визитной карточкой этой парадоксальности можно назвать «прекрасное уродство».

Порой происходит совершенно несправедливая вещь. Когда мы рассматриваем творчество художника, то, прежде всего, обращаем внимание на какие-то ярко выраженные формальные проявления. Оно и понятно - об этом легче писать, очевиднее какие-то особенности творческого метода. Так в разговоре об искусстве Хачатряна преимущественно затрагивают две его ипостаси - классический рисунок и объекты. Хотя по сути дела и то и другое являются лишь двумя крайностями, двумя полюсами творчества художника, а в перспективе, возможно, лишь двумя его вехами. И, что очень грустно, мало касаются всего того, что находится между ними, а ведь там, в этом пространстве, есть не менее интересные и увлекательные

страницы. Страницы, без которых невозможно понимание всего того, что волнует Рудольфа в настоящее время.

Жизненный путь - это длинное путешествие в страну событий, творческий путь - это путешествие в страну образов... в поисках абсолюта.

В жизни каждого человека обязательно есть такое место, куда он, после долгих исканий и трудов, мытарств и злоключений, побед и поражений любит возвращаться, дабы отдохнуть душой, набраться сил для того, чтобы потом вновь пуститься в долгий путь исканий. На творческом пути почти каждого художника тоже есть такие оазисы. Туда он возвращаешься вновь и вновь, когда дойдя до заветной точки логического завершения поисков, оказываешься на вершине. Легко ли ему? Куда идти дальше? Кажется что открывающиеся отсюда пути - лишь пути спуска. И тогда он возвращаешься к тому, что вроде бы было пройдено, к своим истокам. Кто-то может сказать, что художник выдохся, повторяет себя. Но это не так. Творец нуждается в паузе, в отдыхе. Да к тому же мы никогда не возвращаемся прежними. Мы уже другие. И в том, что в начале пути, казалось нам изученным, испробованным, исчерпанным, вдруг открываем новые возможности, новые потенциалы. Именно там мы находим оправдание для продолжения пути. Именно там мы находим мотивацию для новых поисков. И именно оттуда нам открываются новые горизонты, еще не изведанные, но уже манящие новые вершины.

Таким счастливым оазисом, таким местом покоя и передышки для Рудольфа Хачатряна является рисунок. Эта та территория искусства, которую можно назвать его «alma mater». Почему рисунок? Потому что чувствоование пластики рисунка имманентно присуща художнику. Он мыслит с карандашом в руках. Мысль бьется на кончике его отточенного карандаша. Для него жизнь линии как блуждание в лабиринтах Минотавра-подсознания. Правда, здесь необходимо некоторое уточнение. В это раз речь пойдет не о классическом реализме Рудольфа, а о той странице творчества художника, которую он начал писать в свой так называемый лондонский период (1989 - 1993), когда им начались активные поиски «формулы человека». Я говорю о тех рисунках, которые объединились в циклы, одни названия которых говорят о многом - «Двуединство», «Метаморфозы», «Двойное состояние», «Образы и тени», «Мифологемы»... Эти циклы - Предтеча того, что в последствии художник назовет «Многомерным объектом».

Интересна мысль, но не менее интересно наблюдать за тем как она рождается, как вызревает образ. И эти рисунки Рудольфа Хачатряна как раз и есть это рождение мысли. Недаром один из циклов носит название - «Проявление образа». Это еще не оформившаяся окончательно мысль, это пока лишь намек, смутная догадка...

Я говорю о рисунке, который, несмотря на свою самодостаточность, оказался едва ли не в буквальном смысле той лабораторией, в тиши которой зарождались и вызревали самые неожиданные и интересные находки мастера. Они – идея, зафиксированная в пластике. Из них выйдут пространственные композиции, рельефы, объекты. Именно в них зарождалась та странная непривычная красота хачатряновских объектов. Все эти странные трогательные “уродцы” были рождены именно на листе бумаги, и не как эскиз для дальнейшего воплощения в материале, а именно как цельная законченная вещь. Несмотря на свои небольшие размеры рисунки Хачатряна удивительно монументальны. Листы великолепно “держат” стену. Им свойствен значительный элемент декоративной условности.

Рисунок для Хачатряна - это что-то подобное первоокеану, в котором зародилась жизнь. Чрево, в котором происходит зачатие и созревает плод. Первопричина, заключающая в себе потенцию для множества воплощений. Это кишачье образами и идеями пространство рисунка невероятно энергетически напряженно и содержит в себе мощнейшую внутреннюю динамику развития. Рисунок Хачатряна - Адам, давший начало многим поколениям существ. И они хранят на себе его след - в силуэте, в испещряющих поверхности объектов арабесках линий. И давший жизнь в свою очередь отзывается во всех своих потомках, и через них оставляет за собой право на бессмертие.

Рисунок - это тот исток, к которому художник возвращается вновь и вновь, черпая из него живительную силу, вновь и вновь заряжаясь энергией, для того чтобы дальше продолжить путь поиска своего абсолюта.

И это та как бы параллельная ветвь, своеобразный камертон, по которому можно проверить верность ритма, тона вновь найденного.

Это может быть и буквально “портрет” уже созданных многомерных объектов. И здесь, как в любом мастерски исполненном портрете, могут неожиданно открыться те черты существа, которые может быть не всегда заметны при непосредственном общении. Здесь так же важен острый пронизательный взгляд портретиста, как и при создании традиционного портрета. Здесь так же важно умение обобщать и выявлять сущность портретируемого.

Очень неожиданное решение подсказали художнику, оставшиеся в процессе создания рельефов, пространственных композиций и объектов обычные обрезки - отходы, которые любой другой не задумываясь, швырнул бы в мусорную корзину. Но у Рудольфа Хачатряна они дали начало новому творческому импульсу, спровоцировав на новый путь поиска. Эти обрезки фрагменты и пустоты оказалась очень образны сами по себе. Они хранят память и содержат в себе потенцию для зарождения новых форм.

Совмещенные, наложенные один на другой и т.д., они дают своеобразную многослойную композицию – коллаж, очень красивый, эстетски изысканный. В этих листах уже происходит отрыв от плоскости и выход или углубление в пространство, но это тем не менее не рельеф, и не пространственная композиция, а, если так можно выразиться, пространственный рисунок.

Нам остается только ждать - какой следующий шаг повлечет за собой эта находка.

В заключение хочется еще раз отметить, что все эти обращения художника к графике - это не буквальный возврат в исходную точку, а лишь относительное возвращение уже на новом витке восхождения к новой вершине.